

Иван Козлов

Козлов Иван Владимирович родился в 1989 г. в Перми. Студент филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (бывший ПГУ). Работал грузчиком, дворником, музейным смотрителем, фотографом и журналистом. Входит в товарищество поэтов «Сибирский тракт». Публиковался в журналах «Воздух», «Знамя», «Вещь» и в некоторых сетевых изданиях. Участвовал в фестивалях «СловоNova», «Живая Пермь» и «А-Либитум», а также в программе телеканала «Культура» «Вслух. Стихи про себя». Постоянный участник российских поэтических слэмов. Лауреат премии для молодых поэтов «Nova» за 2011 год (книга стихов молодого автора). Участник АСУП-3. Живет в Перми.

Филологическая маркировка стихов И.К.

Традиции, направления, течения: постмодернизм, натурализм, панк-рок, поэтический слэм, «новый эпос», протеическая поэзия, «некроинфантилизм», метафизическая поэзия.

Основные имена влияния, переклички: О. Нэш, Е. Летов, А. Родионов, А. Пермяков.

Основные формальные приемы, используемые автором: исповедальность, маскировка, диалогизм, нарративность, прозаизация, длинная строка, тонический стих, утомительное ритмическое однообразие, имитация устной речи, внезапное свергивание речи с целью ухода от нарастающей эмоциональности, черный юмор, ирония, пародия, парадокс, остранение, интертекстуальность.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: смерть (состояния и атрибутика смерти, макабрические образы), физиология, детское (куклы, игрушки, страшилки, детские воспоминания), тьма, страх (фантомы страха, экзистенциальный ужас), иррациональное в реальности, бытовой религиозный дискурс.

Творческая стратегия: преодоление иррацио-

нального страха, контроль за тьмой методом непрерывного наблюдения.

Коэффициент присутствия: 0,5

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился 1 января 1989 года в селе Кишерть Пермской области и прожил там 14 лет.

На самом деле это враньё.

Родился в Перми, жил в Перми. А в Кишерть, к бабке с дедом, наведывался исключительно в каникулы.

Такое враньё я, впрочем, считаю позволительным – если когда-нибудь сложится миф обо мне как о деревенском жителе, в сознательном возрасте понаехавшем в город, мне будет приятно. Ведь всё равно самая искренняя и правильная жизнь в тот период приходилась именно на кишертские каникулы, а в городе мне было тягостно и неуютно.

Чем можно было заниматься ребёнку (а затем и подростку) в Кишертке?

Абсолютно ничем.

С детства обожал заниматься ничем!

Можно было, скажем, отыскать за поленницей насквозь проржавевшую хреновину – не то деталь от двигателя, не то вентиль от газовой трубы, не помню уже – и коротать часы, поливая её водой из колонки и воображая, что с ней от этого происходят удивительные изменения.

Можно было нарвать на огороде луковых стрел, горошка, незрелой моркови, свекольной ботвы и всякой прочей ерунды, насыпать этот салат в ведро с водой, поставить на солнце на часок и потом хвастаться всем, какой замечательный суп ты сварил без посторонней помощи.

Можно было часы напролёт разбрызгивать по просёлочной дороге воду из шланга и гордиться тем, что так прибываешь пылью и бережёшь здоровье целой улицы. Дорога под солнцем мгновенно высыхала, но героическая борьба с пылью от этого становилась только увлекательнее. И по железной дороге можно было бродить до посинения. Но это летом.

Зимой моим главным врагом становился снег, и я расправлялся с ним так же азартно, как летом расправлялся с пылью. Впрочем, просто так играть в нём мне тоже нравилось.

А весной пыли не было и снега тоже не было. Зато была вода. Для борьбы с этой напастью имелись особые методы. Чтобы скопившаяся в лужах весенняя вода не текла в подвал и в сени, я целыми днями бродил по двору с ломом и выдалбливал во льду и в мёрзлой земле замысловатые русла, в которые ненужная вода сразу же устремлялась. Чёрт возьми, я управлялся с этой стихией круче, чем сам старик Моисей.

Последний раз в жизни я выделял эти трюки с

талой водой первого апреля 2003 года. Я прорубал широкое русло прямо перед окнами нашего дома. Вода наступала, и я работал ломом с тем же остервенением, с каким Америка в это самое время бомбила Ирак. Деревенские мужики, приходившие на дедовы похороны, видели меня под окнами нашего дома и потом, растрогавшись, общались отцу, что восхищены моим самообладанием. А я просто отводил весенние ручьи от подвала. Днём ранее мы с отцом брели по кишертским улицам, держа в руках купленные в местной галантерее искусственные цветы с выгоревшими сиреневыми лепестками из дешёвой пластмассы. Мне было куплено мороженое-эскимо с кусочками мармелада, а когда эскимо было съедено, отец сказал:

– Ну вот и кончилось твоё детство.

Если бы в те годы существовал интернет-мем «Спасибо, капитан!», я бы ему так и ответил.

Что это, в самом деле, за пошлое резонёрство!

Действительно, там оно и сгнуло, в сыром подтаявшем снегу, запах которого я до сих пор могу вообразить в любой момент.

Вскоре и Кишерт сгнула, потому что некому было следить за домом, и бабушка сгнула, и папа.

Всё это переживалось по-настоящему, но уже не имело решающего значения, поскольку происходило за пределами детства.

А за этими пределами, по большому счёту, вообще ничего нет.

«Дети кукурузы» вот были умные, а мы все дураки. Только фильм не смотрите, читайте рассказ Кинга. В фильме – хэппи-энд, а хэппи-энд – это почти всегда неправда.

Недавно вычитал в книжке Елизарова (Елизаров хороший) фразу «С детства родные считают его серьезным, хотя серьезность Леонида в первые годы жизни заключается лишь в том, что он боится радиопередач, картинок в книжках, закрытых дверей и узоров на обоях» и сразу же закинул её во все социальные сети в раздел «О себе». Как будто бы это про меня. Хотя это про какого-то Леонида, который потом по сюжету перерезает себе горло, таким образом заземляя, как пишет Елизаров, слово «педераст». Не то чтобы я боюсь конкретно узоров на обоях и радиопередач, и у меня вряд ли когда-нибудь возникнет идея заземлять слово «педераст» (как это вообще?), но последние лет девять меня, не вдаваясь в детали, можно примерно так и характеризовать. Не «педерастом», в смысле, а человеком тревоги и, может быть, иррационального страха.

На самом деле, конечно, не стоит мне приbedняться. Случалось много всякого хорошего и интересного. Причём такого, что автобиография может тихо и незаметно перетечь в хвостовство. Фотографии мои смотрят, стихи слушают, к словам прислушиваются. Даже в телевизор несколько

Родители И.К.

раз попал со стихами. Проекты всякие, опять же, реализуются. Сiju в Музее PERMM, который мне нравится очень. Люди, которых я люблю, любят меня. Да и вообще я люблю людей, практически всех. Ну ладно, за исключением пары скотов из бывших одноклассников, одного бывшего сокурсника и одного пермского депутата, которого вы все знаете. А так – да, всех люблю.

Иное дело, что писать мне хочется не об этом, а о другом. Я и предыдущий-то абзац с трудом из себя выдавил, чтобы этот текст хотя бы по паре формальных признаков был на автобиографию похож.

Я, на мой взгляд, принадлежу к тем людям, которых патологически влечёт то, что кажется по-настоящему страшным, недопустимым, отвратительным. А значит, непонятным. Жить с этим в одном мире трудно, закрывать глаза стыдно, удалить невозможно. Выходит, остаётся только пропустить это сквозь себя, чтобы сделать чуть менее непознаваемым. В этом, наверное, есть что-то и от мазохизма. Но немного.

Возможность наблюдать за темной, возможностью почувствовать её создаёт иллюзию её понятности, иллюзию контроля.

Я наугад выхватываю из хаоса какие-то отгаливающие обрывки реальности и укладываю в сознание компактно и аккуратно, как выглаженное бельё на полки шкафа, и от этого становится несколько легче.

Так проходит время, много времени. Моего времени, раз уж мы говорим про автобиографию.

Не существует никакого «взросления», есть только нисходящая спираль между детством и...

[далее нрзб.]

Скользить по этой спирали, впрочем, иногда бывает довольно весело. Не спорю.